

Л.А. Юрчук,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы,
и.о. заведующего кафедрой литературы
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»
г. Псков, Россия
lk2185@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3749-1478

Своеобразие стихотворной формы поэмы И.Ф. Богдановича «Душенька»

В статье рассматривается стихотворная форма поэмы И.Ф. Богдановича «Душенька» как одно из художественных средств, с помощью которых писатель вводит в поэзию «прозаическую» сторону жизни, не создавая при этом выраженного бурлескного эффекта, свойственного комическим поэмам более раннего времени. Сделан вывод о том, что с целью приближения к прозе как форме организации художественной речи писатель обратился к возможностям вольного ямба в той его форме, которая к моменту создания «Душеньки» утвердилась в жанре «сказки». Использование вольного ямба «сказки» позволило И.Ф. Богдановичу моделировать насмешливую интонацию авторского повествования и вовлекать в текст разнообразные жанрово-семантические ассоциации.

Ключевые слова: комическая поэма, бурлеск, «conte», александрийский стих, вольный ямба, проза.

L.A. Yurchuk,
Advanced Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the
Department of Literature
Pskov State University
Pskov, Russia

The verse form of the poem I.F. Bogdanovich «Dushen'ka»

The article deals with the poetic form of I.F. Bogdanovich "Dushen'ka". The form of the verse is an artistic means by which the writer depicts the everyday side of life in poetry. In this case, there is no coarse laughter, which is characteristic of earlier comic poems. The author comes to the conclusion that to get closer to prose as a form of organizing artistic speech, the writer used the possibilities of free verse. Free verse is used by the writer in the form that has developed in the genre of "conte". This allows the poet to create a mocking intonation of the narration and to include in the text various genre and semantic associations.

Keywords: comic poem, burlesque, "conte", Alexandrian verse, free iambic, prose.

Во второй половине XVIII века в русской литературе произошел расцвет жанра комической поэмы. Комическая поэма в это время стала лабораторией жанрово-стилевого поиска, в которой происходило формирование качественно новых художественных структур, ставшее одним из признаков смены художественной парадигмы. Одним из направлений отмеченного поиска было исследование форм стихотворного повествования. Ранние комические поэмы (поэмы М.Д. Чулкова, «игрок ломбера» В.И. Майкова, «Бой стихотворцев» Я.Б. Княжнина и др.) имитировали внешнюю форму героической поэмы Нового времени, а потому в них использовался александрийский стих. Поскольку предметом описания в этих произведениях выступали бытовые ситуации в жизни их героев, использование александрийского стиха в бытописательных сценах создавало необходимый в жанре бурлескный эффект и использовалось писателями как средство литературной сатиры: так подвергалась осмеянию высокопарность в литературе.

В 1783 г. вышла в свет поэма И.Ф. Богдановича «Душенька», знаменовавшая своим появлением утверждение новой эстетической концепции жанра комической поэмы. Александрийский стих с этих пор уступил место иным стихотворным размерам.

Читатель, который привык к традиционному для комической поэмы осмеянию «низкой» природы, неожиданно для себя встретил в «Душеньке» ответ на вопрос о возможностях ее «серьезного» изображения. В поисках нового художественного языка

И.Ф. Богданович, с одной стороны, пошел по пути эстетизации быта, а с другой, обратился к не исследованному до той поры в стихотворном повествовании возможностям вольного стиха. Вольный стих стал альтернативой александрийскому стиху: он позволял ввести в поэму «прозаические» аспекты жизни и избежать при этом эффекта бурлеска. Одновременно вольный стих привлекал поэта возможностью моделирования особого авторского голоса, исполненного насмешливой иронии.

Тот факт, что И.Ф. Богданович обратился к вольному ямбу, с одной стороны, объяснялось влиянием на его поэзию творчества Жана де Лафонтена, и прежде всего повести Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669), которая стала для русского поэта своего рода отправной точкой при написании «Душеньки». Большинство стихотворных фрагментов повести Лафонтена было написано вольным стихом. Французский поэт использовал тот же размер в своих баснях и стихотворных «сказках» («conte») (кратких стихотворных новеллах, имевших бытовой сюжет с реалистичными персонажами, включавших элементы шутки и сатиры). В баснях и «сказках» Лафонтен разрабатывал международные сюжеты, хорошо известные его читателю, а потому делал ставку на способ обработки и в предисловии к первому сборнику своих «сказок» отмечал, что в подобного рода произведениях самое важное – манера повествования. Лучше всего с этой задачей мог справиться вольный ямб: с его помощью возможно было разработать непринужденную манеру повествования, которая передавала бы все многообразие оттенков живой разговорной речи. Этим вольный ямб заметно выигрывал у равносложного стиха, скованного инерцией ритма. Как писал Б.В. Томашевский, Лафонтен «полагал, что неправильный стих (т.е. разносложный), гораздо более тяготея к прозе, является более естественным и, следовательно, более подходящим» [7, с. 257] для той сказовой манеры, которую поэт избрал для своих сочинений.

В то же время русская поэзия уже и самостоятельно освоила возможности вольного ямба, первоначально утвердившегося в России в жанре басни. Вольный ямб басни «хорошо соответствовал той интонации дурашливого балагурства, на которой Сумароков строил этот жанр. Русскому читателю он напоминал, вероятно, не только о лафонтеновском образце, но и о досиллабическом говорном рашном стихе», - пишет М.Л. Гаспаров [2, с. 60]. В тот момент, когда в свет вышла «Душенька» И.Ф. Богдановича, отечественная басенно-«сказочная» традиция оформилась уже в целый ряд школ. Не учитывать этого факта нельзя, а потому нет сомнения, что «уроки» Лафонтена наложились в сознании И.Ф. Богдановича на подготовленную для их восприятия отечественную литературную традицию. Более того, С.А. Матяш показал в своем исследовании, что И.Ф. Богданович воспроизводит в своей поэме именно ту норму вольного ямба, которую утвердил в своих поэтических опытах А.П. Сумароков и которая получила развитие в стихотворной практике его учеников: А.А. Ржевского, А.О. Аблесимова, В.И. Майкова и других [5, с. 62].

Стоит отметить и тот факт, что разностопные строки чередуются в поэме И.Ф. Богдановича не с той свободой, которую демонстрирует басня: они тяготеют к объединению в группы, объединенные общим числом стоп в строке. Именно так выглядит вольный ямб жанра «сказки», которая вслед за басней и под ее влиянием стала активно разрабатывать этот стих. Это позволяет утверждать, что прямым источником стихотворной формы «Душеньки» явилась «сказка» («conte»).

И.Ф. Богданович отчетливо ощущал связь собственной поэмы с жанром «сказки». Не случайно исходным обозначением жанра «Душеньки», первая книга которой вышла в свет в 1778 г., было «сказка в стихах» ([Богданович И.Ф.] Душенькины похождения, сказка в стихах. М.: Университетская тип., 1778). Подобно тому, как это было в жанре «сказки» («conte»), вольный ямб позволял поэту моделировать насмешливую интонацию авторского повествования. Это позволяло избежать грубого комизма как сумароковских басен, так и ранних комических поэм: они уступили место иронической тональности авторского голоса.

Объединение в группы равносложных стихов вольного ямба предоставляло поэту то преимущество, которым обладала «сказка»: в построенный таким образом текст можно

было вовлечь «самые разнообразные жанрово-семантические ассоциации» [2, с. 61]. И.Ф. Богданович творчески использует это преимущество: при описании дворца Амура, передачи речей богов, при изложении ответа оракула на вопрос о будущем Душеньки он применяет 6-стопные строки, закрепленные традицией за «высокими» жанрами литературы; группы 4-стопных ямбов, закрепленные традицией за жанром оды, используются им для описания триумфа Венеры; 3-стопные строки, применявшиеся в анакреонтической оде и песне, – для рассказа о встречах Амура и Душеньки в гроте любви. Очевидно, что поэт избирает форму стиха в зависимости от темы и экспрессивного намерения, а не от жанра.

Нельзя, однако, не отметить, что при издании поэмы в 1783 г. из ее подзаголовка исчезло прежнее жанровое обозначение. В издании 1783 г. «Душенька» определяется как «древняя повесть в вольных стихах».

Новое жанровое указание, с одной стороны, содержит в себе отсылку к повести Лафонтена, ставшей источником сюжета «Душеньки». С другой стороны, это указание выводит поэму из области поэтических жанров в область жанров прозаических. Жанр повести предполагает отнюдь не изложение мифологических сюжетов и передачу поэтического восторга, он сосредоточен на рассказе о повседневном течении человеческой жизни и описании бытовой ее стороны. Давая «Душеньке» жанровое определение «древняя повесть в вольных стихах», И.Ф. Богданович предупреждает своего читателя о том, что предложенная им обработка сюжета об Амуре и Психее тяготеет к традиции прозаических жанров, несколько утрачивая свое исходное «поэтическое» качество. Это был решительный шаг поэта в сторону «смешения» в литературе «высокой» и «низкой» материи: эстетика классицизма, отдававшая предпочтение стиху, не допускала возможности изображения высоких предметов средствами прозаических жанров. Не случайно в статье «О Богдановиче и его сочинениях» (1803) Н.М. Карамзин замечает: «Хорошие стихи всегда лучше хорошей прозы [...]. Богданович писал ими, и мы все читали его; Лафонтен – прозою; и роман его едва ли известен одному из пяти французов, охотников до чтения» [3, с. 131, 132].

На протяжении всего XVIII в. проза воспринималась как «низшая» разновидность искусства: в 1747 г. а. П. Сумароков назвал ее «скаредной» [6, с. 113], в последней трети века, с распространением жанра бытового романа, она продолжала оставаться «чтливом, рассчитанным на нетребовательного и эстетически невоспитанного читателя» [4, с. 38].

Соединение прозаического решения с поэтическим сюжетом вызвало бы эффект бурлеска, от которого И.Ф. Богданович стремился дистанцироваться (об этом говорит сопоставление исходного и окончательного текста поэмы). Быт в его поэме представлен эстетизированным. В стремлении приблизить поэзию к жизни поэт уклоняется от резких перепадов стиля и не переходит на язык прозы. Несмотря на то, что проза обладает внешним сходством с «обыкновенным языком», Ю.М. Лотман показал, что обыденная речь и язык прозы – не вполне одно и то же. По наблюдениям ученого, проза последней трети XVIII века не воспринималась читателями как явление из сферы изящного искусства, поскольку родилась из общеразговорной стихии. Ученый отмечает, что художественная проза «в современном значении слова» «возникла на фоне определенной поэтической системы как ее отрицание», как насыщение поэтической речи «минус-приемами» [4, с. 41].

С этой точки зрения путь, указанный И.Ф. Богдановичем, впоследствии, через посредство «поэтической» прозы Н.М. Карамзина, приведет к созданию прозы А.С. Пушкина. Богданович сделал на этом пути первый шаг, когда использовал в стихотворном повествовании вольный ямб, предполагающий варьирование длительности стихотворных строк.

Отчетливо осознавая новаторство предложенного художественного языка, поэт в пропозиции «Душеньки» обращается к Гомеру, просит простить его за нарушение мерного течения стихов и намечает перспективу развития повествования:

Черты, без равных стоп, по вольному покрою,
На разный образец крою.
И малой меры, и большия,
И часто рифмы холостыя,
Без сочетания законного в стихах
Свободно ставлю на концах.
А если оттого устану,
Безтрудно и отважно стану,
Забыв чернил и перьев страх,
Забыв сатир и критик грозу,
Писать без рифм иль просто в прозу. [1, с. 46–47]

Приближая поэзию к жизни, изображая своих поэтических персонажей в окружении бытовой обстановки, И.Ф. Богданович стремился представить «низкое» не комическим, а имеющим возвышенный стороны. А поскольку проза мещанского типа, которая формировалась в 1770-1780-е гг., не могла решить эту задачу, он попытался подготовить читателя к новой эстетической концепции *вне* прозы, оставаясь в рамках стихотворного повествования. Вольный ямб, избранный поэтом, представлял собой попытку приблизиться к прозе как форме организации художественной речи. Таким образом, в «Душеньке» И. Ф. Богданович ставит вопрос о синтезе стиха и прозы как двух принципов эстетического видения жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богданович, И.Ф. Стихотворения и поэмы / И.Ф. Богданович ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.З. Сермана. – Л. : Сов. писатель, 1957. – 260 с.
2. Гаспаров, М.Л. Очерк истории русского стиха / М.Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1984. – 320 с.
3. Богданович, И.Ф. Избранные сочинения / И.Ф. Богданович. – СПб. : Изд-во Глазунова, 1907. – 154 с.
4. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2001. – 848 с.
5. Матяш, С.А. О сочетаниях смежных стихов в вольном ямбе / С.А. Матяш // Проблемы теории стиха / под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. – Л. : Наука, 1984. – С. 67-80.
6. Сумароков, А.П. Избранные произведения / А.П. Сумароков. – Л. : Сов. писатель, 1957. – 608 с.
7. Томашевский, Б.В. Пушкин и Франция / Б.В. Томашевский. – Л. : Сов. писатель, 1960. – 498 с.

REFERENCES

1. Bogdanovich I.F. Stihotvoreniya i poemy [Poetic works and poems]. I.Z. Sermana (eds.). Leningrad: Sov. pisatel', 1957. 260 p.
2. Gasparov M.L. Oчерk istorii russkogo stiha [Essay on the history of Russian verse]. Moscow: Nauka, 1984. 320 p.
3. Bogdanovich I.F. Izbrannye sochineniya [Chosen compositions]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Glazunova, 1907. 154 p.
4. Lotman Yu.M. O poetah i poezii [About poets and poetry]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPB, 2001. 848 p.
5. Matyash S.A. O sochetaniyah smezhnyh stihov v vol'nom yambe [About combinations of adjacent poems in free iamba]. Lihacheva D.S. (eds.) *Problemy teorii stiha* [Problems of the theory of the verse]. Leningrad: Nauka, 1984, pp. 67-80.
6. Sumarokov A.P. Izbrannye proizvedeniya [Chosen compositions]. Leningrad: Sov. pisatel', 1957. 608 p.
7. Tomashevskij B.V. Pushkin i Franciya [Pushkin and France]. Leningrad: Sov. pisatel', 1960. 498 p.